

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-78-94

УДК 93/94

ОТ «СЕКРЕТНЫХ СБОРИЩ» К «ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ»: КРУЖОК АЛЕКСАНДРА РУМЯНЦЕВА В ВОЛОГОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ (1860-е гг.)

Ваничева Ксения Владиславовна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
kvanicheva@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу реакции различных ведомств судебно-следственной системы на деятельность кружка воспитанников Вологодской духовной семинарии как нового явления в политическом пространстве Российской империи начала 1860-х гг. Специфика дела, в котором на скамье подсудимых оказались представители духовного сословия, определила как участие в нем церковного ведомства, так и характер дискуссии, принявшей накануне ожидаемой реформы духовной школы форму спора о нравственном облике идеального пастыря православной церкви. Проявившиеся в ходе расследования состязания полицейско-административных и судебных структур рассматриваются в контексте обсуждаемого в историографии вопроса о «единстве управления». Анализ различных позиций вовлеченных в ход дела ведомств позволяет поставить вопрос о роли судебной реформы 1864 г. в формировании механизмов борьбы с революционным движением. С точки зрения автора, появление судебных деятелей, руководствовавшихся идеей законности, предопределило возникновение еще в дореформенный период разных трактовок революционной угрозы — тенденции, ярко проявившейся после введения судебных уставов 1864 г. и первых рассмотренных на новых основаниях громких процессов над участниками протестного движения второй половины 1860–1870-х гг.

Ключевые слова: духовная семинария, следственные органы, судебная реформа 1864 г., имперская бюрократия.

FROM “SECRET GATHERINGS” TO “UNDERGROUND SOCIETY”: ALEXANDER RUMYANTSEV’S CIRCLE AT THE VOLOGDA THEOLOGICAL SEMINARY AS INTERPRETED BY THE RUSSIAN AUTHORITIES (1860s)

Vanicheva Ksenia V.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
kvanicheva@eu.spb.ru

Abstract. The article analyzes the various departments reaction of the judicial and investigative system to the Vologda Theological Seminary students’ circle activities as a new phenomenon in the political space of the Russian Empire in the early 1860s. The specifics of the case, in which members of the clergy were in the dock, determined both the participation of the church authority and the nature of the discussion about the ideal Orthodox shepherd moral image shortly before the anticipated seminary reform. The rivalries between the police-administrative and judicial structures that emerged during the investigation are discussed in the context of the «unity of administration» problem. The analysis of the various positions of the departments involved in the investigation gives the author the opportunity to raise the question about the role of the judicial reform of 1864 in the development of policy regarding the revolutionary movement. According to the author, the appearance of judicial figures guided by the legality concept determined the emergence in the pre-reform period of different interpretations of the revolutionary threat a trend that became clearly visible after the introduction of judicial statutes in 1864 and the first resonant trial against members of the protest movement in the second half of the 1860–1870s, which were held on new bases.

Keywords: theological seminary, investigative authorities, judicial reform of 1864, imperial bureaucracy.

Цитирование: Ваничева К.В. От «секретных сборищ» к «тайному обществу»: кружок Александра Румянцева в Вологодской духовной семинарии в интерпретациях российских властей (1860-е гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 78–94. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-78-94 / Vanicheva K.V. From “Secret Gatherings” to “Underground Society”: Alexander Rumyantsev’s Circle at the Vologda Theological Seminary as Interpreted by the Russian Authorities (1860s), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 78–94. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-78-94.

© Ваничева К.В., 2024

В ноябре 1861 г. обер-прокурор Синода А.П. Толстой, кратко характеризуя причины «печального положения» Пермской духовной семинарии в письме начальнику III отделения В.А. Долгорукову, отмечал: «Вина Начальников Семинарии – Ректора и Инспектора состоит только в том, что они были нераспорядительны и не умели найтись в таких обстоятельствах, о которых они прежде не слыхивали и которые в духовных заведениях – новое и небывалое явление» [РГИА, ф. 802, оп. 8, д. 25057, л. 93]. Вовлечение воспитанников семинарий в политическую деятельность и открытие в начале 1860-х гг. нелегальных кружков в стенах духовных учебных заведений, действительно, стало неожиданностью как для светской власти, вызывая затруднения в ходе судебно-следственного процесса, так и для «духовного начальства», свыкшегося лишь с традиционными семинарскими «бунтами», представлявшими собой коллективные погромы учебного корпуса, общежития-«бурсы» или квартир семинарской администрации [Павленко, 2008]. Столкновение с новым явлением в политическом пространстве империи потребовало от представителей власти и новых объяснительных конструкций. В таких условиях следственное дело над семинаристами превращалось в пространство производства смыслов, где разные игроки предлагали свои интерпретационные модели, изобретая языки описания происходящего.

Проблема межведомственной несогласованности на разных уровнях власти широко освещается в историографии в рамках вопроса о «единстве управления» [Ремнев, 2010; Соловьев, 2018]. Разобщенность действий различных ведомств, вовлеченных в расследование дел о революционном движении, была характерной чертой политики общественной безопасности в империи и становилась все более очевидной по мере роста числа политических выступлений. Предлагаемая в историографии трактовка определяет 1864 г. как точку условного разрыва правовой традиции, предопределившую появление конкурирующих интерпретаций сущности преступного. В условиях гласного судебного процесса пореформенного периода существенно возросла роль чинов министерства юстиции в обосновании обвинительной позиции [Dahlke, Templer, 2012; Борисова, 2015; Рубцов, 2020]. Судебная реформа 1864 г. дала прокурорам как образованным профессионалам большие полномочия в расследовании политических преступлений, с чем вынуждены были считаться представители административно-полицейской власти. В ситуации таких межведомственных конфликтов формировалась политика в отношении революционной угрозы пореформенного времени. Однако анализ дореформенной практики расследования политических преступлений обнаруживает схожие тенденции межведомственного взаимодействия еще до введения в действие новых судебных уставов, позволяя скорректировать представление о роли реформы в формировании механизмов борьбы с революционной угрозой.

В настоящей статье я рассматриваю следственное дело 1862–1863 гг. над воспитанниками Вологодской духовной семинарии, примечательное, во-первых, как пример работы дореформенной системы судопроизводства, столкнувшейся с политическим протестом учащейся молодежи, во-вторых, как случай следствия над

воспитанниками духовной семинарии, повлекший за собой вовлечение в расследование представителей духовного сословия.

Деятельность вологодского кружка семинаристов в разное время привлекала внимание советских исследователей [Смирнов, 1960; Таубин, 1963; Очерки истории..., 1969; Пражевский, 1972; Михайлов, 1994]. Рассматривая кружок в свете концепции «первой революционной ситуации», авторы подчеркивали идейное влияние на семинаристов вологодского отделения «Земли и воли», существенно преувеличивая масштаб их революционной деятельности. В качестве одного из эпизодов «революционных волнений» кружок был упомянут и в современной монографии по истории Вологодской семинарии [Ферапонт (Широков), 2022, с. 251–254]. Обращаясь к изучению процесса формирования представлений имперской бюрократии о вовлечении учащейся молодежи в политическую деятельность, я надеюсь уйти от привычного взгляда на ученические кружки как на подготовительный этап для создания ячейки в сети революционного подполья. Анализ траектории следственного дела над вологодскими семинаристами позволит поставить вопрос о сложном взаимодействии представителей различных инстанций духовной и светской власти, чьи трактовки действий подозреваемых были тесно связаны с вопросами, оказавшимися в фокусе общественной полемики накануне судебной и церковной реформ.

В июле 1862 г. земскому исправнику Никольского уезда Вологодской губернии стало известно, что в доме священника Благовещенского хранятся «возмутительные воззвания к народу и другие запрещенные сочинения», принадлежащие его сыну – воспитаннику Вологодской духовной семинарии Ивану Благовещенскому. Обыск у семинариста открыл переписанные в две тетради сочинения, в числе которых были: статья Н.П. Огарева «Что нужно народу?» («Колокол», 1861), статьи А.И. Герцена «Исполин просыпается» и «Третья кровь» («Колокол», 1861), прокламация «К молодому поколению» Н.В. Шелгунова и М.Л. Михайлова, а также стихотворения П.Л. Лаврова и Н.А. Некрасова. Семинарист получил запрещенные сочинения от своего земляка, студента Санкт-Петербургского университета Александра Фрязиновского, сосланного в Вологду за участие в студенческих беспорядках. Цепочка распространения сочинений остановилась на никольском крестьянине Малыгине, который получил от Благовещенского рукописную тетрадь с «возмутительными сочинениями» в ответ на очередную просьбу о литературе для своего 17-летнего сына.

Из показаний Благовещенского стало известно, что подобная литература имеется и у других семинаристов. Для расследования дела о хранении и распространении среди крестьян запрещенной литературы в Никольске и Вологде были учреждены Следственные комиссии. Действия первой Комиссии, состоявшей из старшего чиновника особых поручений при вологодском губернаторе М.И. Никитина, никольского судебного следователя Н.А. Слободского, земского исправника Н.А. Городецкого и жандармского штаб-офицера подполковника Н.Е. Зарина, ограничились обысками в Никольске. К августу 1862 г. дело было передано в ведение

вологодской Комиссии в составе старшего чиновника особых поручений при губернаторе Н.П. Ставровского, смененного председателем никольской Комиссии М.И. Никитиным после ее закрытия, вологодского полицмейстера майора К.П. Шейна, губернского стряпчего уголовных дел Н.В. Протодьяконова, жандармского штабс-капитана С.П. Титова, судебного следователя М.П. Лихарева и депутата от духовного сословия, ректора Вологодского духовного училища священника Алексея Попова. Последний подвергся обыскам Комиссии после показаний его племянника, семинариста Филарета Славина, о том, что литографированные листки с запрещенными цензурой лекциями Л. Фейербаха он взял тайно в квартире дяди. Ставший фигурантом дела депутат был заменен законоучителем перворазрядного училища для девиц протоиереем Всеволодом Писаревым.

Важно отметить, что председателем и никольской, и вологодской комиссий по указанию исполняющего должность начальника губернии вице-губернатора Н.В. Лаврова был назначен старший чиновник особых поручений, а не избранные уездными судами следователи. Этот факт и активное вмешательство губернатора в ход расследования, как будет видно далее, стал причиной конфликта Лаврова и членов вологодской уголовной палаты.

В результате дознаний Следственной комиссией был открыт кружок в стенах семинарии, члены которого собирались в квартире его организатора Александра Румянцева, где занимались чтением незаконной литературы, а также запрещенных для семинаристов светских журналов¹.

Специфика данного случая была обусловлена встречей власти с фактами политической неблагонадежности духовных воспитанников, а значит — будущих пастырей православной церкви. Роль религии в имперских управленческих практиках давно привлекает внимание исследователей, отмечающих важность контроля над народной религиозностью в деле «социального дисциплинирования» подданных [Живов, 2009]. М.Д. Долбилов обращает внимание на особый интерес власти к регуляции религиозных практик и конфессионального надзора в эпоху Александра II. В этой фазе имперской истории, рассматриваемой исследователем как этап «вхождения в модерность», религия оказывалась «и местом встречи, обоюдного узнавания власти и подвластных, и объектом усилий по переформовке идентичностей» [Долбилов, 2010, с. 18–24].

В ходе обысков вологодской Следственной комиссией в качестве вещественных доказательств по делу были изъяты материалы личной переписки семинариста Ивана Благовещенского, дневник Александра Румянцева, а также запрещенное

---

¹ В этом отношении Синод руководствовался постановлениями, сделанными еще Комиссией духовных училищ в 1837 г., подчеркивая, что семинарская библиотека «должна быть пополняема только полезнейшими книгами, содержащими в себе предметы, относящиеся к духовной учености». См., напр., дело о выписке Правлением Пермской семинарии журнала «Современник» (3 сентября 1862 г.) [РГИА, ф. 802, оп. 8, д. 26429]. На практике семинарские инспекторы следили за кругом чтения воспитанников, стараясь не допустить появления у них «вредных» изданий.

цензурой сочинение «Сущность христианства» немецкого философа Л. Фейербаха, имя которого тесно ассоциировалось у современников с представителями молодых «нигилистов»¹.

Объектом особо пристального внимания Комиссии стали найденные в запертой деревянной шкатулке вместе с «возмутительными против Правительства» сочинениями «дневные записки» семинариста Александра Румянцева, сохранившиеся в деле лишь в виде отдельных выписок, сделанных рукой следователя. В своем постановлении члены Комиссии объясняли, что «нашли нужным, кроме сочинений Искандера, Великорусса и других, обратить внимание и на некоторые статьи дневника его, Румянцева. Они суть следующие:

- 1) Румянцев в нескольких местах дневника своего поносит разными ругательными словами всех Наставников Семинарии и преимущественно Ректора Архимандрита Ионафана <...>.
- 2) Румянцев в нескольких дневника местах, осуждая бездеятельную жизнь и пьянство преимущественно Сельских Священников, выражает свое нежелание быть Священником из опасности, чтобы и ему самому не сделаться подобным им» [ГАВО, ф. 235, оп. 1, д. 1231, л. 17–17об.].

На последовавших за обыском допросах семинариста комиссия обращала особое внимание на отдельные дневниковые записи, стремясь разъяснить их смысл. Следователей интересовали причины, по которым Румянцев отказывался от принятия священного сана и «какое было начало таковому образу мыслей его» [ГАВО, ф. 235, оп. 1, д. 1231, л. 18]. В восприятии членов Следственной комиссии личный дневник, как и «антирелигиозное» сочинение Л. Фейербаха, могли быть приобщены к делу и использованы в качестве вещественных доказательств, свидетельствовавших о нравственном и религиозном облике подозреваемых.

Выстраиваемая подобным образом система аргументации виновности семинаристов становилась частью общественной полемики рубежа 1850–1860-х гг. о назревшей необходимости церковных реформ. Бурная публичная дискуссия по этому вопросу была инициирована изданием в 1858 г. в Лейпциге сочинения «Описание сельского духовенства» калязинского священника Иоанна Белюстина [Белюстин, 1858]. Резонансная публикация вскрыла острые проблемы церковной жизни, к которым в ближайшее десятилетие будет приковано внимание реформаторов. Одним из широко обсуждаемых неотложных вопросов, затронутых Белюстиным, стала реформа семинарии. 1860 г. был отмечен началом ревизии церковных школ директором Духовно-учебного управления при Синоде С.Н. Урусовым и открытием

---

¹ По мнению И. Паперно, «в [18]50-е – [18]60-е годы Фейербах стал предметом поэтического культа с оттенком религиозного поклонения. Впоследствии сочинения Чернышевского сыграли решающую роль в распространении этого влияния...». В романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» студент Дмитрий Лопухов, пытаясь приобщить Веру Павловну к миру «новых людей», дает ей «Сущность христианства» Л. Фейербаха [Паперно, 1996, с. 57].

специального комитета под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова), главной задачей которого было составление проекта будущей реформы на основании собранных в епархиях отчетов о состоянии семинарий [Freeze, 1983, p. 220–224]. Немногом позже, с 1862 по 1863 гг., на страницах журналов «Время» и «Современник» печатались знаменитые «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, из которых читающая публика узнала о темных сторонах семинарской жизни.

Таким образом, дело вологодских семинаристов разворачивалось в контексте живой общественной полемики о предстоящей реформе духовной школы, где вовлеченные в расследование члены комиссии включались в обсуждение проблемы нравственного облика будущего пастыря реформированной церкви, фактически оставляя за скобками вопросы распространения в среде учащейся молодежи революционных идей и угрозу государственному порядку.

При этом необходимо отметить, что члены судебно-следственных органов существенно ограничивали участие в расследовании представителей духовного сословия. Так, Вологодская духовная консистория неоднократно жаловалась на незаконные в ее понимании действия Следственной комиссии, которая на протяжении всего следствия всячески препятствовала участию духовенства в деле, отказывая консистории в предоставлении необходимых сведений со ссылкой на 7 раздел II-й книги Свода законов уголовных о правилах особого рода судопроизводства [РГИА, ф. 802, оп. 8, д. 26366, л. 39]. Раздел 7 включал в себя правила о производстве дел по государственным преступлениям, не упоминая, однако, ни об особом режиме секретности следствия по данным делам, ни об участии в них депутатов от духовенства, зафиксировав для государственных преступлений общеустановленный порядок следствия [Законы о судопроизводстве..., 1857, гл. 3, с. 112–119]. Между тем, общий порядок производства формального следствия давал депутатам от духовной стороны право снимать с необходимых бумаг копии для предоставления их епархиальному начальству [Законы о судопроизводстве..., 1857, ст. 162, с. 32]. На наложенные светской властью незаконные ограничения обращал внимание депутат от Духовного ведомства на слушании дела в вологодском уездном суде: «в течение всего судопроизводства судопроизводители без всякого основания и неоднократно отказывали выдать депутатам от Духовной стороны требуемые ими узаконенные копии с документов, входивших в состав следственного дела, чем поставили в крайнее затруднение духовное начальство в принятии мер к должному и правильному разрешению того, что требовало своевременно со стороны сего начальства разъяснения...» [РГИА, ф. 1151, оп. 6, д. 328, л. 34об.–35]. Это обстоятельство представляется мне особенно важным: члены Следственной комиссии и, как станет ясно далее, жандармский офицер и вологодский вице-губернатор, обращали внимание на нравственность подозреваемых семинаристов, оставляя за собой возможность судить об облике будущего пастыря, отказывая при этом самому духовенству в праве высказываться о представителях своего сословия.

Наиболее полно систему аргументации Следственной комиссии развил вологодский жандармский штаб-офицер подполковник Н.Е. Зарин в донесении шефу

жандармов В.А. Долгорукову. В предложенной им интерпретации изъятые комиссией документы позволяли связать воедино попытку распространения воспитанниками противоправительственных сочинений среди крестьян с происшествиями в стенах семинарии. Важным звеном создаваемой Зариным системы была отсылка к нравственному облику подозреваемых, основанная на выдержках из изъятых у семинаристов документов, материалов допросов, а также на факте чтения ими «антирелигиозной» литературы.

В ходе обысков Следственной комиссией была обнаружена одна из статей семинарского рукописного журнала «Quodlibet» (от лат. «что угодно») – «Взгляд на наши секретные сборища». Комиссия зафиксировала, что ее автор, ученик Николай Кедровский, «объяснил в ней, что секретные сборища двенадцати взрослых юношей и притом передовых назначаются не для заговоров против чего бы-то ни было, против Государства, против установлений и проч., а по примеру бывших тайных сборищ в первые века Христианства, для развития каких-то новых идей по предмету Христианства» [ГАВО, ф. 235, оп. 1, д. 1231, л. 39об.–40]. Жандармский штаб-офицер нашел это сочинение подозрительным, описав его суть следующим образом: «статья под заглавием “Взгляд на наше тайное сборище” <...> по содержанию своему утверждает мысль о существовании *организованного тайного общества* [курсив здесь и далее мой. – К.В.] в г. Вологде» [ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 84, л. 22–22об.]. Характерно, что статья, которая изначально фигурировала в деле под заглавием «Взгляд на наши секретные сборища», трансформировалась в изложении Зарина во «Взгляд на наше тайное сборище». Такой вариант заголовка оказывался созвучен с названием статьи декабриста М.С. Лунина «Взгляд на тайное общество в России (1816–1826)», упомянутой жандармским офицером в ряду прочих изъятых у семинаристов-кружковцев сочинений, что давало Зарину возможность концептуализировать подозрительные «сборища» учащих как заседания «тайного общества».

Деятельность этого неожиданно открытого следствием «тайного общества», по мнению жандармского штаб-офицера, состояла в совместном переписывании и чтении сочинений против правительства и религии. В доказательство цитируя показания семинаристов, Зарин отмечал, что один из них, Василий Копосов, списав 10 лекций Фейербаха, осознал, что они «отвергают бытие Бога» и «клонятся к подрыву религии», другие же «не остановились на 10 лекциях, а списав их все, на *тайных своих сборищах* занимались чтением этих лекций». Свое донесение Зарин заканчивал предупреждением об опасных последствиях духовного руководства паствой будущих священников, нравственно искалеченных чтением «возмутительных» сочинений: «Из сего следует, что многие из кончивших курс Вологодской семинарии, хотя сколько-нибудь усвоившие в религиозном отношении учение Фейербаха и в нравственном руководимые возмутительными статьями Искандера и Михайлова, если, по заведенному до сих пор порядку, будут поступать на вакантные места приходских Священников, то пагубные от сего следствия будут неизбежны» [ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 84, л. 30об.–31об.]. Свою систему

аргументации Зарин увязывал с концептом нравственной «неблагонадежности», однозначно не ассоциировавшимся с оппозиционностью, но по мере становления революционного движения все больше смыкавшегося с политическим вольнодумством.

С мнением Зарина был солидарен вологодский вице-губернатор Н.В. Лавров, принимавший активное участие в расследовании дела. В донесении, отправленном на имя министра внутренних дел П.А. Валуева, Лавров развивал сходную аргументацию, делая акцент на возможном негативном влиянии на народ зараженных опасными идеями семинаристов: «<...> следствием обнаружено, что между семинаристами либералами были *секретные сборища*, в городе Вологде, у товарища их Румянцева, у которого найдены также возмутительные сочинения. Из статей журнала под названием "квот-либет", веденного *тем обществом*, и дневника Румянцева видно проявление новых идей и свободы мышления и в последнем отожествление догматов церкви. <...> Можно ли было ожидать, что при замкнутой жизни семинаристов усвоятся ими и разовьются зловредные идеи и чего надеяться от будущих пастырей церквей, пропитанных учениями Искандера, Михайлова и Фейербаха?» [ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 84, л. 36–37об.].

Вице-губернатор полагал, что столь серьезное дело «не может быть рассматриваемо в обыкновенных судебных местах», а потому посчитал нужным препроводить материалы расследования в Следственную комиссию под председательством статс-секретаря князя А.Ф. Голицына [РГИА, ф. 1405, оп. 60, д. 6753, л. 3–4об]. Это чрезвычайное учреждение было создано в мае 1862 г. для расследования фактов распространения в столице противоправительственных воззваний «К молодому поколению», «Молодая Россия», «Что нужно народу» и др. Результатом деятельности Комиссии стали аресты в июле 1862 г. Н.Г. Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича, а также студентов Санкт-Петербургских Медико-хирургической академии и университета и чиновников из разных губерний империи, «доказанная виновность» которых состояла в «распространении возмутительных воззваний и других сочинений с целью поколебать верность народа и войска престолу» [Краткий обзор..., 2006, с. 587–590].

Огромный резонанс, вызванный бушевавшими в столице незадолго до арестов майскими пожарами, главным виновником которых был объявлен А.И. Герцен, дает возможность предполагать в качестве мотива действий вологодского вице-губернатора стремление приобщить семинарское дело к другим подобным материалам, вписав его в предполагаемый масштабный заговор. Однако, рассмотрев отправленные Лавровым материалы, Комиссия Голицына постановила возвратить их и направить обычным судебным порядком, поскольку они «не имеют ничего общего с производящимися в Комиссии делами» [ГАРФ, ф. 95, оп. 1, д. 70, л. 3]. Таким образом, дело было направлено на рассмотрение местной судебной инстанции — вологодского уездного суда в составе уездного судьи Н.П. Засецкого, судебного следователя В.Ф. Польнера и двух дворянских заседателей.

Рассмотрев материалы расследования, уездный суд счел старания комиссии по выявлению нравственной благонадежности подозреваемых излишними. В заключении суда эти действия, произведенные следователями «по маловажным и совершенно сторонним обстоятельствам», были признаны существенным упущением. При этом нарушение комиссией установленного порядка производства следствия доказывалось, согласно заключению, «взятыми при обысках вовсе не относящимися к следствию бумагами: письмами, дневником Румянцева и разными сочинениями, не имеющими характера объясненного в ст. 279 XV т. зак. уг.¹ <...> предмет обыска – сочинение нем[ецкого] философа Фейербаха о сущности религии, против которого допущены цензурные печатные опровержения, не относится к сочинениям возмутительным против правительства, следовательно и к предмету следствия» [ГАВО, ф. 235, оп. 1, д. 1302, л. 105–105об.]. Клонясь к оправданию подсудимых, суд постановил освободить взятых под арест Фрязиновского и Благовещенского до окончательного решения дела, что вызвало протест жандармского офицера Зарина. В донесении шефу жандармов В.А. Долгорукову он отмечал, что «вопреки всех узаконений, и, не обратя внимания на вредные последствия, по большинству голосов, <...> Фрязиновский и Благовещенский выпущены из Тюремного замка на поруки», причиной чего, по мнению жандармского офицера, стало пагубное влияние на присутствие судебного следователя Польнера [ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 84, л. 62]. В рассуждениях суда обращает на себя внимание апелляция к законности и ссылка на недостаток ясных доказательств вины подсудимых, столь характерная для пореформенного порядка судопроизводства.

На нарушение законности ссылался и товарищ председателя уголовной палаты, куда поступило дело после рассмотрения его в уездном суде, Н.М. Окулов, уведомляя министерство юстиции об уклонении вице-губернатора Лаврова от правил, установленных «Наказом судебным следователям» в 1860 г. Ссылаясь на параграфы 12 и 18 Наказа², Окулов отмечал, что решение вице-губернатора о назначении старшего чиновника особых поручений Никитина в качестве председателя Следственных комиссий вместо судебных следователей, обязанных исполнять законные «формы и обряды следопроизводства», «нарушило как цель учреждения Следователей, т.е. права, присвоенные им по Наказу, так и самую законность произведенного следствия» [РГИА, ф. 1405, оп. 60, д. 4427, л. 13–16об.]. При этом представление палаты министерству юстиции о выявленных нарушениях в действиях вице-губернатора вызвало, по его словам, «порицание от г. Лаврова на действия Палаты, и означенному представлению он придает в публике значение противодействия правительству» [РГИА, ф. 1405, оп. 60, д. 4427, л. 16]. Возникшее

---

¹ Статья предусматривала наказание за создание, хранение и распространение сочинений и изображений, возбуждающих неуважение к верховной власти, личным качествам государя или управлению государством [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1857, с. 72].

² «12. Судебный Следователь производит следствие или один или в составе особо наряженной Следственной Комиссии, как старший член оной»; «18. От Судебного Следователя зависит ход и согласное с обстоятельствами и законами направление следствия <...>». [Учреждение судебных следователей, 1862, с. 713–714].

противоречие стало результатом разного восприятия дела со стороны вице-губернатора, усмотревшего в нем серьезную угрозу общественной безопасности, и чинов судебного ведомства, заинтересованных в охране принципа законности.

После рассмотрения обстоятельств дела в вологодском уездном суде и уголовной палате, куда дело поступило установленным порядком, члены последней вынесли окончательное заключение, согласно которому бывший студент Санкт-Петербургского университета Александр Фрязиновский и семинарист Иван Благовещенский за хранение у себя противоправительственных сочинений на основании 279 статьи Свода законов приговаривались к 3-недельному аресту, отдаче под надзор полиции на 1,5 года, с возложением на них подозрения в распространении «вредных» сочинений; кончивший курс семинарии Александр Румянцев — к 3-месячному аресту и отдаче под надзор на 3 года; семинаристы Петр Соколов и Акиндин Копосов — к 7-дневному аресту и надзору в течении 1 года; остальные подозреваемые семинаристы освобождались от ответственности за неимением у себя запрещенной литературы.

Практика «оставления в подозрении», которой, согласно заключению уголовной палаты, подвергались Фрязиновский и Благовещенский, была частой мерой наказания в дореформенной системе судопроизводства, применявшейся в случае, когда суд не мог вынести обвинительный или оправдательный приговор и вопрос о виновности подсудимых оставался неразрешенным, что создавало возможность возобновления дела в случае обнаружения новых улик. Мера была закреплена 313 статьей Законов о судопроизводстве [Законы о судопроизводстве..., 1857, с. 57], однако уже к началу 1860-х гг. казалась архаичной, несоответствующей современному уголовному праву, что всего через несколько лет зафиксировала реформа, исключившая эту форму наказания из судебной практики.

Именно с этим решением уголовной палаты относительно меры наказания Фрязиновского и Благовещенского был не согласен вологодский губернский прокурор Г.И. Гребенщиков. В протесте, поданном на заключение уголовной палаты, прокурор отмечал, что при вынесении решения по рассматриваемому делу «следует принять во внимание: во-первых, что умышленность преступных деяний не предполагается, а доказывается, всякое же сомнение, возникшее при рассмотрении дела, обращается в пользу подсудимого; во-вторых, что по делу не обнаружено законных улик и признаков ясных, которые должны служить юридическим основанием как к изобличению, так и подозрению Благовещенского и Фрязиновского в злоумышленном распространении возмутительных сочинений» [РГИА, ф. 1151, оп. 6, д. 328, л. 49–50]. Прокурор настаивал на полном освобождении подсудимых от всякой ответственности по обвинению в намеренном распространении противоправительственных сочинений «за недостатком ясных и законных улик».

Исследователи пореформенного порядка судопроизводства объясняют подобную позицию прокуратуры созданным реформой новым режимом гласности судов, при котором прокуроры выполняли роль защитников легитимности власти,

предпочитая не доводить дело до судебного процесса, если позиция обвинения представлялась им слабой. Ориентируясь на поддержание принципа законности, эти судебные деятели оперировали категориями «юридической» логики и не склонны были трактовать политическое действие исключительно как преступное [Рубцов, 2023]. Рассмотрение дореформенного судебного процесса обнаруживает схожие тенденции в действиях прокуратуры.

На мой взгляд, следует согласиться с Ричардом Уортманом в том, что формирование нового понимания законности и рост поколения судебных деятелей, воспринимавших себя как преданных ее служителей, произошли до судебной реформы 1864 г. [Уортман, 2004]. Введение новых судебных уставов не стало переломным событием для этих получивших основательное юридическое образование чиновников, объединенных сознанием, которое Р. Уортман назвал «правовым этосом». Образцом такого чиновника, совершившего карьерный скачок благодаря полученному образованию, был окончивший юридический факультет Казанского университета и уже в 1849 г. (в возрасте 31 года) назначенный товарищем председателя Курской уголовной палаты вологодский губернский прокурор Гребенщиков [Уортман, 2004, с. 147–148]. Он соответствовал формируемому типу профессиональных юристов, руководствовавшихся принципами строгого соблюдения законности и создававших новую губернскую систему юстиции.

В возникшем споре Правительствующий сенат, куда поступило дело в июне 1863 г. для вынесения окончательного приговора, занял сторону прокурора, не найдя оснований обвинять Фрязиновского и Благовещенского в преднамеренном распространении запрещенной литературы. Сенат ограничился следующими мерами в отношении подсудимых: Фрязиновского и Благовещенского было решено подвергнуть аресту на 3 недели, затем первого выслать в отдаленный город, а второго оставить под полицейским надзором на 1,5 года; Румянцева выдержать под арестом 1,5 месяца и отдать под надзор на 2 года; Соколова и Копосова оставить под арестом на 7 дней и отдать под надзор на год [РГИА, ф. 1151, оп. 6, д. 328, л. 61–62]. В конфликте жандармского офицера Зарина и уездного суда решение судебного следователя Польшнера об освобождении подсудимых из-под стражи до окончательного разрешения дела было признано министерством юстиции верным [ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 84, л. 70–71].

Рассмотренная несогласованность внутри дореформенной судебно-следственной системы отражала долгосрочные тенденции развития ведомств, ответственных за обеспечение общественной безопасности. Элементы нового легального порядка заметны как в действиях вологодского губернского прокурора, так и в риторике местного уездного суда и уголовной палаты. Эта забота судебных деятелей об охране принципов законности в правоприменительной практике приводила к противоречиям с полицейско-административной властью в губернии. Чины корпуса жандармов и местный вице-губернатор иначе видели условия сохранения общественного порядка: предметом их заботы становилось «нравственное значение преступления». В последнем случае концепт политической неблагонадежности

оказывался тесно связанным с вопросом нравственного и религиозного облика подсудимых, на который обращали особое внимание вологодский жандарм и вице-губернатор.

В данном случае следствие осложнялось, поскольку речь шла о семинаристах как представителях духовного сословия, а потому семинарская администрация и члены Синода рассматривали его как дело своей юрисдикции. В отношениях с конкурирующим актором одной из задач становилось доказать и отстоять эту подведомственность, что в ситуации со Следственной комиссией выражалось в попытках ограничить участие в ее деятельности духовенства.

Проанализированный случай дает основание утверждать, что столкновение судебных и полицейско-административных ведомств, особенно остро проявившееся впоследствии, в условиях реформированного публичного судопроизводства, и ставшее важным звеном в процессе развития политики общественной безопасности, не было последствием судебной реформы 1864 г. Борьба мнений во власти и конкуренция различных интерпретаций революционной угрозы стали возможны еще до введения новых судебных уставов и первых попыток реализации пореформенного порядка судопроизводства на практике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // *Русский заграничный сборник*. № 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et Co etc., 1858. 166 с.

Борисова Т.Ю. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 5(135). С. 101–118.

Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 235. Оп. 1. Д. 1231.

ГАВО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1302.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 95. Оп. 1. Д. 70.

ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 230. Ч. 84.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Живов В.М. Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия // *Антропология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение»*. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 327–361.

Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (Кн. II. Т. XV. Законы уголовные) // *Свод законов Российской империи: издание 1857 г.* СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1857–1876.

Краткий обзор действий высочайше-утвержденной секретной Следственной комиссии // *Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869*. М.: Российский фонд культуры, 2006. С. 587–590.

Михайлов Б.Г. Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века // *Вологда. Историко-краеведческий альманах*. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/11.htm> (дата обращения – 27 ноября 2022 г.).

Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895–1968. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. 688 с.

Павленко Т.А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 77. С. 139–144.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

Пражевский А.А. Революционный кружок А. Румянцева – А. Фрязиновского (1859–1862 гг.) // *Сборник студенческих работ Вологодского государственного педагогического института*. Вып. IX. Вологда: Б.и., 1972. С. 3–11.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 8. Д. 25057. РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 26366.

РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 26429.

РГИА. Ф. 1151. Оп. 6. Д. 328.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 4427.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 6753.

Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX–начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 510 с.

Рубцов А.А. Антиправительственное движение 1860–1870-х годов и деятельность органов политического дознания в Российской империи (законодательные нормы и следственная практика): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. СПб., 2023. 224 с.

Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических выступлений 1870-х гг. российскими властями // *Антропологический форум*. 2020. № 44. С. 114–138.

Смирнов А.В. Общественное движение и школа Вологодской губернии в 60-х годах XIX века // *Вологодский край*. Ред. В.М. Малков и др. Вологда: Кн. изд-во, 1960. С. 294–327.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Таубин Р.А. Я.Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 399–425.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Кн. I. Т. XV. Законы уголовные) // *Свод законов Российской империи: издание 1857 г.* СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1857–1876.

Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 515 с.

Учреждение судебных следователей // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 35. Отделение 1. 1860 г.* СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1862. С. 710–715.

Ферапонт (Широков П.Ф.; иеромонах). Вологодская духовная семинария во второй половине XIX–начале XX века. Вологда: Арника, 2022. 412 с.

Dahlke S., Templer B. Old Russia in the Dock: The Trial against Mother Superior Mitrofaniiia before the Moscow District Court (1874) // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 53/1. 2012. Pp. 95–120.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

REFERENCES

[Belyustin I.S.] Opisanie sel'skogo dukhovenstva [Description of rural clergy], in *Russkii zagranichnyi sbornik*. No. 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et C° etc., 1858. 166 p. (in Russian).

Borisova T.Yu. “Neobkhodimaya oborona obshchestva”: yazyk suda nad Zasulich [“The Necessary Defense of Society”: The Language of the Zasulich Trial], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2015. No. 5(135). Pp. 101–118 (in Russian).

State Archive of the Vologda Region (GAVO). F. 235. Inv. 1. D. 1231.

GAVO. F. 235. Inv. 1. D. 1302.

State archive of the Russian Federation (GARF). F. 95. Inv. 1. D. 70.

GARF. F. 109. 1 eksp. 1862. D. 230. Ch. 84.

Dolbilov M.D. *Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Land, Alien Faith: Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belorussia under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1000 p. (in Russian).

Zhivov V.M. Distsiplinarnaya revolyutsiya i bor'ba s sueveriem v Rossii XVIII veka: “provaly” i ikh posledstviya [The Disciplinary Revolution and the Fight Against Superstition in Eighteenth-Century Russia: Failures and Their Consequences], in *Antropologiya revolyutsii: Sbornik statei po materialam XVI Bannykh chtenii zhurnala “Novoe literaturnoe obozrenie”*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. Pp. 327–361 (in Russian).

Zakony o sudoproizvodstve po delam o prestupleniyakh i prostupkakh (Кн. II. Т. XV. Законы уголовные) [Laws of Proceedings for Crimes and Misdemeanors], in *Svod zakonov*

Rossiiskoi Imperii: izdanie 1857 g. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1857–1876 (in Russian).

Kratkii obzor deistvii vysochaishe-utverzhennoi sekretnoi Sledstvennoi komissii [A Brief Review of the Actions of the Highly Approved Secret Investigative Commission], in *Rossiya pod nadzorom: otchety III otdeleniya 1827–1869*. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury, 2006. Pp. 587–590 (in Russian).

Mikhailov B.G. Demokraticheskoe dvizhenie v Vologde vo vtoroi polovine XIX veka [The Democratic Movement in Vologda in the second half of the Nineteenth Century], in *Vologda. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh. Vyp. 1*. Vologda: Rus' Publ., 1994. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/11.htm> (accessed 27 November 2022).

Ocherki istorii Vologodskoi organizatsii KPSS. 1895–1968 [Essays on the history of the Vologda organization of the Communist Party of the Soviet Union. 1895–1968]. Vologda: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1969. 688 p. (in Russian).

Pavlenko T.A. Bunty seminaristov v 1905–1907 gg.: traditsionnyi protest v usloviyakh revolyutsii [Riots by students of theological seminaries in 1905–1907: Traditional Protest in the Conditions of the Revolution], in *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2008. No. 77. Pp. 139–144. (in Russian).

Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolaj Chernyshevskij – chelovek epoxi realizma* [Semiotics of Behaviour: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Age of Realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 207 p. (in Russian).

Prazhevskii A.A. Revolyutsionnyi kruzhok A. Rumyantseva – A. Fryazinovskogo (1859–1862 gg.) [A. Rumyantsev and A. Fryazinovsky's Revolutionary Circle (1859–1862)], in *Sbornik studencheskikh rabot Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Vyp. IX. Vologda: b.i., 1972. Pp. 3–11 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 802. Inv. 8. D. 25057.

RGIA. F. 802. Inv. 8. D. 26366.

RGIA. F. 802. Inv. 8. D. 26429.

RGIA. F. 1151. Inv. 6. D. 328.

RGIA. F. 1405. Inv. 60. D. 4427.

RGIA. F. 1405. Inv. 60. D. 6753.

Remnev A. V. *Samoderzhavnoe pravitelstvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX–nachalo XX veka)* [Autocratic Government: Committee of Ministers in the System of Top Management of the Russian Empire (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 510 p. (in Russian).

Rubtsov A.A. *Antipravitelstvennoe dvizhenie 1860–1870-x godov i deyatelnost organov politicheskogo doznaniya v Rossijskoi imperii (zakonodatelnye normy i sledstvennaya praktika)* [The anti-government movement of the 1860s–1870s and the activities of the bodies of political investigation in the Russian Empire (legislative norms and investigative practice)]: dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 5.6.1. St. Petersburg, 2023. 224 p. (in Russian).

Rubtsov A.A. Ot besporyadkov k demonstratsiyam: interpretatsiya massovykh politicheskikh vystupleniy 1870-kh gg. rossiyskimi vlastyami [From Unrest to Demonstrations: The Policy of the Russian Authorities Regarding Mass Political Actions of the Radical Youth of the 1870s], in *Antropologicheskij forum*. 2019. No. 44. Pp. 114–138 (in Russian).

Smirnov A.V. Obshchestvennoe dvizhenie i shkola Vologodskoi gubernii v 60-kh godakh XIX veka [Social Movement and School of the Vologda Province in the 1860s], in *Vologodskii kraj*. Ed. V.M. Malkov. Vologda: Knizhnoe izdatel'stvo, 1960. Pp. 294–327 (in Russian).

Solov'ev K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: the Problem of Lawmaking]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. 351 p. (in Russian).

Taubin R.A. Ya.N. Bekman i Khar'kovsko-Kievskoe tainoe obshchestvo [Ya.N. Beckman and the Kharkov-Kiev secret society], in *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg.* Ed. akad. M.V. Nechkina. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. Pp. 399–425 (in Russian).

Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh (Kn. I. T. XV. Zakony ugovolnye) [Code about punishments criminal and corrective], in *Svod zakonov Rossiiskoi Imperii: izdanie 1857 g.* St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1857–1876. (in Russian).

Wortman R.S. *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [The Development of a Russian Legal Consciousness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 515 p. (in Russian).

Uchrezhdenie sudebnykh sledovatelej [Establishment of judicial investigators], in *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. T. 35. Otdelenie 1. 1860.* St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1862. Pp. 710–715 (in Russian).

Ferapont (Shirokov P.F.; ieromonax). *Vologodskaya duxovnaya seminariya vo vtoroj polovine XIX–nachale XX veka* [Vologda Theological Seminary in the second half of the 19th–early 20th century]. Vologda: Arnika, 2022. 412 p. (in Russian).

Dahlke S., Templer B. Old Russia in the Dock: The Trial against Mother Superior Mitrofaniiia before the Moscow District Court (1874), in *Cahiers du Monde russe*. Vol. 53/1. 2012. Pp. 95–120.

Freeze G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

Статья принята к публикации 21.01.2024